

А Лэй вовремя появился и успешно отразил смертельный удар Юйгуя.

Однако было очевидно, что разница в силе между ними колоссальна: Юйгуй небрежным взмахом отбросил А Лэя на несколько десятков метров.

– А Лэй! – громко крикнул Синчэнь и бросился к другу.

Рухнув на землю, А Лэй тут же изверг изо рта огромное количество черной жидкости и, умирая, посмотрел на бегущего к нему Синчэня.

– А Лэй! Да что с тобой... – Синчэнь с тревожным сердцем подхватил А Лэя, но, заметив на своих руках черную жижу, невольно почувствовал, как сердце уходит в пятки.

Когда ранее были ранены Мэйгуй и Юйгуй, из их тел тоже брызгала эта жидкость. Почему же при ранении А Лэя всё точно так же? И к тому же...

Синчэнь посмотрел на клубящуюся зеленую сферу линъюаня на груди А Лэй и испытал сильнейший шок.

Почему линъюань А Лэя оказался снаружи? Неужели...

Синчэнь подумал об одной возможности, но тут же мысленно отбросил её, страшась, что правда окажется слишком тяжелой для него.

– Хм! Самонадеянный глупец, посмел встать у меня на пути. Раз уж так рвешься на тот свет, я с радостью помогу тебе, – с легким гневом произнес Юйгуй, стряхивая пыль с рукава.

В этот момент А Лэй заметил движение Юйгуя.

– Синчэнь, осторожно!

В критический момент А Лэй изо всех сил оттолкнул Синчэня, и кулак Юйгуя вновь угодил ему в грудь.

– Нет! – взревел Синчэнь, воочию наблюдая, как А Лэя отбросило на стену в десятке метров от них, сопровождаемое оглушительным грохотом.

В этот миг Синчэнь окончательно потерял рассудок. Нет! Вернее будет сказать, что во взгляде Синчэня отразилась небывалая, бурлящая жажда убийства.

С самого детства Синчэнь относился к А Лэю как к родному брату, а после смерти дедушки А

Лэй и вовсе остался единственным близким человеком для Синчэня в этом мире.

Но теперь Синчэнь своими глазами видел, во что враг превратил его брата, и последние крохи его разума в этот момент рухнули в одночасье. А линъюань внутри тела, подчиняясь жажде убийства, яростно закипел следом.

Заметив неладное, Дядечка невольно остолбенел. Он увидел, как в Талисман Умиротворения Души в руке Синчэня хлынул огромный поток линъюаня.

Двадцать процентов... Тридцать процентов... Сорок процентов... Духовный Узор продолжал насыщаться линъюанем.

Если попытаться подобрать какое-то слово, то это можно было назвать лишь словом ужасающий! Дядечка невольно горько усмехнулся.

Однако сам Юйгуй в тот момент не замечал происходящих с Синчэнем перемен. Подойдя ближе, он насмешливо бросил:

– Ого! Чего это ты перестал бегать? Беги дальше! Как ты только что...

Юйгуй схватил Синчэня за воротник и приподнял над землей.

– Или, глядя на его конец, ты наконец понял, что любое сопротивление бессмысленно, и теперь хочешь быстрой смерти? Ха-ха... Ха-ха... – Юйгуй зашелся зловещим хохотом, глядя на то, как Синчэнь понуро опустил голову, и испытывая от этого дикое наслаждение.

Только вот этот смех продолжался недолго и оборвался на полуслове.

– Ты угадал, – произнес Синчэнь и резко поднял голову, свирепым взглядом вперившись в Юйгуя.

Этот взгляд заставил Юйгуя содрогнуться от ужаса. До этого момента Юйгуй и представить себе не мог, что кто-то способен излучать столь пугающую ауру.

– Мелкий ублюдок, ты что творишь? От страха рассудок потерял?! – взревел Юйгуй. – Ладно! Я сейчас же отправлю тебя на тот свет...

Однако договорить ему не дали – Синчэнь прервал его на полуслове.

– Я действительно хочу быстрой смерти.

Едва затихли эти слова, как рука Синчэня с силой взмахнула, и тот черный Талисман Умиротворения Души безошибочно прилип прямо к груди Юйгуя, мгновенно растворившись в его теле.

- Паршивец, что ты со мной сделал... - Юйгуй попытался продолжить, но вдруг почувствовал, как из его рта вырывается толстая черная цепь, уходящая прямо под землю.

Ошеломленный Юйгуй поспешно разжал руку, державшую Синчэня, и попытался вырваться, но с ужасом обнаружил, что такие же толстые цепи пробивают его руки. И не только они - со всех сторон: со лба, груди, спины, бедер - из каждого дюйма его тела вырвалось бесчисленное множество цепей, глубоко ввязавшись в землю.

В одно мгновение Юйгуй оказался накрепко прикован этими странными черными цепями и лишился возможности шевелиться.

Увидев собственными глазами мощь Талисмана Умиротворения Души, Синчэнь невольно содрогнулся. Но сильнее всех был поражен Дядечка.

С самого начала и до этого момента Дядечка видел всё предельно ясно: этот Талисман Умиротворения Души проявил столь устрашающую силу лишь потому, что в самый момент его активации процент контроля Синчэня резко подскочил до девяноста!

Наверное, это был случай применения Талисмана Умиротворения Души с самым высоким показателем контроля при скачке через ступени на его памяти! Дядечка напряг память, пытаясь отыскать в туманных воспоминаниях что-то подобное.

Сам Юйгуй с ошеломленным выражением лица смотрел на Синчэня, до сих пор не веря в то, что этот мальчишка смог его одолеть.

Синчэнь медленно подошел к Юйгую и, не обращая внимания на его попытки сопротивляться, принялся методично наклеивать на его тело Талисманы Разрушения Демонов, наполненные линъюанем.

Один за другим.

Казалось, с каждым новым наклеенным талисманом кипящая в груди жажда убийства немного утихала.

А наблюдавший за этим издали Дядечка покрылся холодным потом, ощущая при этом такую боль, будто его сердце разрывали на части.

Ведь все эти талисманы были куплены на его кровно заработанные деньги! Нельзя было тратить их экономнее?!

Дядечка очень хотел высказать всё, что у него на душе, но тут же вспомнил кое-что похуже: а вдруг этот парень разозлится и налепит оставшиеся Талисманы Разрушения Демонов на него самого? Разве это не... Дядечка поспешно затряс головой.

Но едва вытравив эту мысль из головы, Дядечка тут же осознал другую проблему: по прежнему поведению этого паренька было несложно понять, что он невероятно добрый ребенок. Ради защиты соседей он был готов без колебаний пожертвовать собой. Почему же в этот момент от этой доброты не осталось и следа, а её место заняла жестокая бойня?

При этой мысли лицо Дядечка стало куда более суровым.

Вскоре Синчэнь полностью укутал Юйгуя Талисманами Разрушения Демонов. Издалека Юйгуй теперь напоминал гигантский бумажный шар.

По мановению руки Синчэня раздался приказ:

- Разрушить!

Бумажный шар мгновенно взорвался ослепительным, подобным солнцу светом и громоподобным грохотом.

Лишь когда Юйгуй окончательно обратился в прах, Синчэнь начал постепенно приходить в себя.

- С-синчэнь? - в этот момент А Лэй уже стоял за спиной друга с ошеломленным выражением лица, едва веря, что перед ним стоит его лучший друг Синчэнь.

Но когда Синчэнь обернулся, ярость и жажда убийства в его глазах мгновенно растаяли без следа.

- А Лэй! - с беспокойством окликнул его Синчэнь.

- Синчэнь! - на этот раз А Лэй окончательно убедился, что перед ним действительно Синчэнь. Ведь в его взгляде по-прежнему светилась та самая врожденная доброта.

Только вот лицо Дядечки стало еще мрачнее.

Хотя всё длилось лишь мгновение, необычное состояние Синчэня всё же не укрылось от его глаз.

Дядечка вновь укрепился в своих догадках: в теле этого парня таился какой-то секрет!

- Эй! – громко окликнул он, словно просто приветствуя. – Мелкий, неплохо! До чего же силен!

Дядечка хлопнул Синчэня по плечу и ободряюще улыбнулся им обоим.

- Не хочешь подумать о том, чтобы стать моим учеником? Я сделаю тебе скидку сорок процентов! Упустишь шанс – второго такого не будет, знай, что подобная возможность выпадает раз в жизни...

- Дядечка! – Синчэнь резко оборвал его на полуслове и, посмотрев на оставшийся клочок линъюаня на груди А Лэя, помрачнел еще сильнее.

Поняв, о чем хочет спросить Синчэнь, Дядечка щелкнул пальцами.

Вернувшись в реальный мир, Синчэнь с удивлением обнаружил, что линъюань на груди А Лэя исчез.

- Дядечка, что это значит?

Столкнувшись с вопросом Синчэня, Дядечка не стал отвечать сразу – он вытащил сигарету и с мрачным выражением лица уставился на предрассветный горизонт, молча затягиваясь.

- Эй! Дядечка, почему ты не отвечаешь? – на самом деле в глубине души Синчэнь уже давно носил ответ, в который ему так не хотелось верить.

В этот момент А Лэй позвал его по имени:

- Синчэнь!

Синчэнь обернулся и увидел, как А Лэй улыбается и пятится назад. В этот самый миг разносчик утренних газет на электроскутере проехал прямо сквозь тело А Лэя.

Разносчик проследовал дальше, будто ничего не заметил, а А Лэй по-прежнему стоял на прежнем месте целым и невредимым.

Затем А Лэй указал на землю позади себя.

Синчэнь заметил, что в лучах утреннего солнца у А Лэя не было тени.

При виде этого глаза Синчэня мгновенно наполнились слезами, и он отчаянно затряс головой, отрицая всё, что только что увидел.

- Парень, опомнись! - не выдержал Дядечка. - Забыл ты обо всем или просто обманывал самого себя - знаешь только ты один.

Забыл? Обманывал? Нет! Я не... - Синчэнь делал вид, что не слышит, и продолжал качать головой, но воспоминания уже невозможно было сдержать - подобно прорвавшемуся источнику, они одно за другим всплывали перед его глазами.

Это был вечер, когда небо окрасилось в золотые тона заката.

Синчэнь и А Лэй договорились вместе пойти поиграть в мяч на школьную спортплощадку.

Но когда они переходили дорогу напротив школы, у черного внедорожника внезапно отказали тормоза. В решающий момент А Лэй изо всех сил оттолкнул Синчэня в сторону, а сам врезался в дерево у обочины.

В результате молодая женщина-водитель и А Лэй погибли на месте.

Однако Синчэнь ни за что не мог смириться с этой истиной.

Поэтому позже, на похоронах А Лэя, Синчэнь напился до беспамятства и специально затянул время до глубокой ночи, чтобы пойти домой той самой недоброй дорогой.

Ведь люди часто говорили, что на этой тропе нередко появляются души усопших.

Синчэнь хотел проверить, сможет ли он встретить там А Лэя.

К счастью, А Лэй действительно появился...

Добравшись в воспоминаниях до этого моменты, Синчэнь не выдержал и опустился на корточки, прикрыв голову руками.

- Синчэнь! - снова позвал его А Лэй. - Всё в порядке!

Синчэнь заметил, что на лице А Лэя по-прежнему играла счастливая улыбка.

- Синчэнь, я так рад, что в этой жизни мы были братьями. Дни, проведенные с тобой, всегда приносили мне столько радости.

Услышав это, Синчэнь медленно поднялся на ноги.

- Синчэнь, а помнишь, как мы познакомились?

Синчэнь задумался и ответил:

- Конечно помню. В первый же день в детском саду мы подрались прямо в классе, за что нас потом наказал учитель.

- Верно! Но ты забыл упомянуть главное.

Синчэнь опешил:

- Что еще за главное?

- Конечно же то, что я победил, дурачок!

- Чего? - возмутился Синчэнь. - Да это потому, что ты сжульничал! Посреди драки взял и соврал, будто учитель - твоя мама!

- Это называется на войне все средства хороши, ничего ты не понимаешь!

- Ах ты...

- Ладно-ладно, спорить не буду, считай, что ничья! - не давая Синчэню возразить, продолжил А Лэй. - А помнишь самый плохой поступок, который ты по отношению ко мне совершил?

- Самый плохой? - Синчэнь украдкой покосился на Дядечку и покраснел. - К чему ты вдруг об этом?

- Как к чему? Ты что, должок вернуть не хочешь?! В четвертом классе ты привел меня на бахчу к дяде Ли и сказал, что те арбузы можно есть сколько угодно, а в итоге меня поймали и приняли за воришку!

- Э-э... да это же потому, что у тебя как раз день рождения был! - принялся оправдываться Синчэнь. - За день до этого ты прибежал ко мне и заявил, что твое заветное желание - сидеть среди горы еды и наедаться до отвала. Чтобы исполнить желание такого обжоры, я столько сил потратил, пока нашел эту бахчу! К тому же я точно видел, что дядя Ли уехал из города, откуда мне было знать, что он вдруг вернется?!

Синчэнь выплеснул всю обиду, что так долго носил в себе.

- Вот именно поэтому я так счастлив, что у меня есть такой брат, как ты! - говоря это, А Лэй не

удержался и простодушно рассмеялся.

– Я же знаю, что мои желания всегда особенные, поэтому с самого детства никто не мог их исполнить, кроме тебя.

Синчэнь вдруг растерялся и лишился дар речи.

– С малых лет мы были неразлучны, как настоящие братья, и все пакости или добрые дела всегда творили вместе. Вместе ловили рыбу в реке, вместе смотрели мультики, вместе списывали домашку, вместе стояли в углу за наказание... вместе росли.

При этих словах прошлое яркой чередой пронеслось перед глазами обоих, казалось, будто всё это происходило только вчера.

– Только вот я так хотел бы... – А Лэй не удержался и смахнул слёзы из уголков глаз, охваченный сильнейшим волнением. – Черт, мы же договаривались не плакать.

В этот момент Синчэнь неожиданно шагнул вперед и крепко обнял А Лэя.

А Лэй заметил, что у самого Синчэня глаза тоже покраснели и увлажнились.

– Брат, мы же обещали вместе поступить в университет, вместе гулять на твоей свадьбе и нянчить твоих детей, стареть бок о бок... Только вот...

– Хватит! А Лэй, не говори больше.

Слезы обоих уже невозможно было сдержать, они ручьями катились по щекам.

– А Лэй, ты навсегда останешься моим лучшим братом.

А Лэй изо всех сил закивал:

– Угу! Синчэнь, ты тоже навсегда останешься моим лучшим братом.

Глядя на то, как они обнимаются и плачут, Дядечка не хотел им мешать, но линъюаня у А Лэя почти не осталось, и если медлить дальше, всё кончится плохо.

– Ну всё! Пора в дорогу.

Услышав слова Дядечки, А Лэй тут же взял себя в руки и отступил на полшага назад.

- Брат, пришло время прощаться.

- Нет... - Синчэнь снова затряс головой.

- Послушай меня, впереди у тебя долгий путь, ты встретишь еще много новых друзей, и они будут сопровождать тебя до самого конца.

Но Синчэнь по-прежнему отказывался отпускать его.

Дядечка сурово прикрикнул:

- Парень, прими реальность! Он больше не принадлежит этому миру, и если насильно удерживать его здесь, ему будет только больнее.

С этими словами Дядечка вытащил из кармана желтый лист бумаги.

- Отправь своего брата в путь этим талисманом Самсары!

- Талисман Самсары? - изумился Синчэнь.

- Верно! Проводишь своего брата в Мир Самсары с помощью этого талисмана, и он сможет ждать следующего перерождения. Так что... - Дядечка выбросил окурок, - пора действовать!

- Точно! Синчэнь, не теряй времени, я ведь так жду скорой встречи с тобой в следующей жизни!

Услышав это, Синчэнь торопливо смахнул слёзы с глаз.

- Вот так-то лучше! Мужчина, а раскис, разве так годится? - А Лэй снова простодушно усмехнулся. - Раньше это ты провожал меня домой, а теперь наконец-то твоя очередь проводить меня. Честно говоря, я даже рад.

Синчэнь невольно горько улыбнулся про себя: наши дома вообще-то стояли на одной улице, и мой дом находился как раз перед твоим, а еще хватает наглости говорить, что ты меня провожал...

Взяв из рук Дядечки талисман Самсары, Синчэнь тут же призвал собственный духовный массив и влил линъюань в Духовный Узор.

- Ну всё! Бросай талисман в воздух, - заметив, что узор полностью зарядился, снова произвел Дядечка.

Взлетев на высоту примерно десятка метров, желтый талисман Самсары внезапно исчез. В тот же миг в небе словно чья-то гигантская рука раздвинула занавес потустороннего пространства, вытолкнув оттуда исполинские каменные врата.

На глаз Синчэня эти врата достигали по меньшей мере десятка метров в высоту. По обе стороны от них были высечены человеческие барельефы, лица которых излучали торжественное и неприкосновенное величие. Разница заключалась лишь в том, что одежды на фигуре слева были белыми, а на правой – черными.

Столкнувшись с грандиозным величием каменных врат, Синчэнь и А Лэй невольно замерли в восхищении.

Коснувшись земли, врата следом начали медленно распахиваться.

– Ну всё! Синчэнь, мне пора в путь.

А Лэй хлопнул Синчэня по плечу и повернулся в сторону каменных врат.

– А Лэй... – снова окликнул его Синчэнь. – Спасибо тебе! Я обязательно буду жить хорошо.

В этот момент шаги остановились.

А Лэй прекрасно понимал смысл этих слов благодарности, и если бы тогда они поменялись местами, А Лэй был уверен, что Синчэнь сделал бы точно такой же выбор.

– Угу! Брат, живи хорошо.

А Лэй оглянулся в последний раз, улыбнулся Синчэню и шагнул за порог врат.

Это был последний раз, когда Синчэнь видел А Лэя.

Его улыбка оставалась всё такой же лучезарной.

Синчэнь знал, что даже если утекут годы, улыбка А Лэя навсегда останется храниться в течении времени, безмолвно и сокровенно оберегаемая в памяти...

Прощай! Мой брат.

В брезжащем свете утренней зари, как только Врата Реинкарнации окончательно растворились, Синчэнь ощутил, как на него накатывает непреодолимая волна усталости.

Как же устал... Подумав об этом, Синчэнь тут же закрыл глаза и рухнул в объятия Дядечки.

– Ты истратил слишком много линъюаня, – голос Дядечки в этот момент звучал на редкость мягко. – Поспи сладким сном на руках у дяди, как положено хорошему мальчику!

Как тошно...

В следующее мгновение Синчэнь уже спал.

<http://bllate.org/book/19606/1924007>